На правах рукописи

БОЛГОВ Кирилл Николаевич

ЛАТИНСКИЙ СЕГМЕНТ КУЛЬТУРЫ РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

Специальность: 07.00.03 – всеобщая история
(история древнего мира)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Белгород - 2013

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории и зарубежного регионоведения ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Научный руководитель: **Семичева Елена Александровна**
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Официальные оппоненты: **Молев Евгений Александрович**
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой археологии, искусствоведения, музеологии ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Рябцева Марина Леонидовна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры документоведения ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»

Защита диссертации состоится «13» декабря 2013 г. в 16 час. 00 мин. на заседании Диссертационного совета Д. 212.015.11 по защите докторских и кандидатских диссертаций в ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, корпус 2, зал заседаний Ученого совета, ауд. 260.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»).

Текст автореферата размещен на официальном сайте ВАК РФ http://vak2.ed.gov.ru/ и на официальном сайте ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» http://www.bsu.edu.ru

Автореферат диссертации разослан «11» ноября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета И.Т. Шатохин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы определяется тем, что период Поздней античности – Ранней Византии (IV-VI вв.) в последнее время наиболее плодотворно разрабатывается в мировой науке, а в отечественной он малоизучен. Источниковая база и общее значение периода как переходного на континуитетных началах представляют собой широкое поле для исследований. Позднеантичный (ранневизантийский) период был переходным временем, неоднородным с точки зрения культурных процессов. На территории, входившей в состав Восточной Римской империи, окончательно сформировавшейся с конца IV в., сложилась, в отличие от двуязычного античного средиземноморского общества первых веков н.э., принципиально иная культурная и языковая ситуация. В провинциях, начиная еще с кризисного III в., значительно оживились, казалось бы, забытые языки местных народов, и это положение сохранилось в ранневизантийской культуре, спаянной христианской церковью. Хорошо известно о вкладе в культурный сплав Ранней Византии помимо греков – сирийцев, египтян-коптов, народов Малой Азии, армян, евреев, арабов и др. В этот ряд можно поставить и латинский пласт ранневизантийской культуры. Однако, в отличие от вышеназванных, он более сложен и полифункционален.

В общем контексте данной проблематики тема о роли и месте латинского этнокультурного сегмента представляется одной из наиболее важных, так как к ней относились:

- сфера центрального управления империей;
- армия и юридическая сфера;
- территориальный комплекс северо-западных провинций префектуры Иллирик;
- территориальный комплекс вновь присоединенных Юстинианом провинций – Африка, Италия, Южная Испания (из которых прочно инкорпорированной оказалась лишь Африка);
- отдельные феномены словесности – в области исторической мысли, хроники (Марцеллин Комит, Виктор Тонненский), поэзии (Кресконий Корипп, Присциан),
- грамматика и риторика (Харисий, Присциан);
- школа (юридическая школа в Берите; Константинопольский университет и др.)[1].

Также весьма важен вопрос об общей этнокультурной и языковой ситуации в Ранней Византии («византийский мультикультурализм»[2]) и о причинах окончательного вытеснения латинского языка греческим к VII в.

---

[1] Вопрос о роли и месте в латинском этнокультурном сегменте Ранней Византии ряда авторов, работавших на протяжении значительного времени на территории Ранней Византии (Иероним в Палестине, Кассиодор в Константинополе), нами не ставится, так как их тексты всецело относятся к западной традиции и с культурным контекстом и языковой ситуацией восточных провинций практически не связаны.

[2] *Liebeschuetz J.* Late Antiquity, the Rejection of “Decline”, and Multiculturalism // *Liebeschuetz J.* Decline and Change in Late Antiquity: Religion, Barbarians and their Historiography. Ashgate: Variorum Reprints, 2006.

Латинский язык нельзя рассматривать исключительно как проявление западных тенденций в истории Византии[1]. Его функция – гораздо сложнее. Она включает в себя этатистский, этно-территориальный, литературный, образовательный аспекты (сферы распространения).

Что представлял собой сам латинский язык той эпохи – отдельный сложный вопрос[2]. В нашем исследовании мы придерживаемся представления о книжных нормах латинского языка, выраженных в рассматриваемых текстах. Более того, эта норма, собственно, и была задана в Константинополе Присцианом Грамматиком. Мигрировавшие в Раннюю Византию носители книжного латинского языка ориентировались преимущественно на его грамматические нормы, поэтому задача изучения эволюции латыни как живого языка в Ранней Византии перед нами не ставится.

Цель работы – изучение латинского культурного сегмента Ранней Византии, установление его места и роли в общем культурном облике и истории Ранней Византии.

Задачи:

- изучить значение латинского языка для государства (Восточной Римской империи), армии и права (*этатистский аспект*);
- изучить влияние латинского языка на творчество ранневизантийских авторов (Иоанн Лид, Зосим), а также проанализировать их оценки роли латыни в Восточной империи в рассматриваемый хронологический период;
- рассмотреть *территориальные аспекты* латинского языка в Восточной империи (как в основных провинциях по разделу 395 г., так и в отвоёванных Юстинианом);
- изучить латинскую историческо-хроникальную традицию в Константинополе;
- проанализировать основные проявления художественной словесности в Ранней Византии на латинском языке (эпос, панегирики) (*литературный аспект*);
- рассмотреть процесс завершения оформления латинской грамматики в Константинополе;
- изучить *образовательный аспект* латыни в Ранней Византии (школа, учителя).

Объект исследования – латинский сегмент в культуре Ранней Византии, его этатистский, территориальный, литературный, образовательный аспекты.

Предмет – особенности бытования и эволюции латинского языка в Ранней Византии (народности, территории, сферы распространения в государстве, в литературе, в образовании).

---

[1] *Чекалова А.А.* Борьба западных и восточных тенденций в Византии в ранний период // Византия и византийское наследие в России и в мире. М., 2013. С. 262.

[2] *Ващева И.Ю.* Культурные центры раннесредневековой ойкумены. К вопросу об автономизации латинской и греческой культур (III –VII вв.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып. 2 (6). Н. Новгород, 2006. С. 46.

Хронологические рамки опираются на концепцию Поздней античности (П. Браун, А. Камерон и др.), включающей принятые в отечественной науке рамки истории Ранней Византии: IV - 1-я треть VII в. Эта эпоха представляется рядом специалистов отдельной субцивилизацией, Постклассическим миром[1]. Однако, точные границы периода остаются дискуссионными[2].

Территориальные рамки включают основной территориальный комплекс провинций Ранней Византии, с особым акцентом на столицу – Константинополь, латиноязычные регионы Византии – северо-запад Иллирии, Африка, временно – Италия и Южная Испания, а также отдельные локусы с повышенной ролью латыни (Берит, Тир и т.д.).

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что в нем впервые в отечественной исторической науке:

1. Выделен и обоснован феномен латинского сегмента культуры Ранней Византии в указанных хронологических рамках.

2. Определены сферы распространения латинского языка:

- этатистские (потестарные) (связанные с государством, правом, армией);

- территориальные (1. Иллирия и ряд пограничных локусов; 2. отвоёванные Юстинианом территории - Африка, Италия, Южная Испания);

- литературные (хроника, эпос, панегирик), в т.ч. филологические (грамматика);

- образовательные (высшие школы – грамматические, риторические, юридические).

3. Установлена значительная роль латинского языка в ранневизантийских сочинениях антикварного, исторического, административного плана (Иоанн Лид, Зосим).

4. Выявлены роль и место Иллирии как латиноязычного региона в этнокультурной мозаике Ранней Византии, а также Африки, Италии и Испании как латиноязычных областей, отвоеванных в VI в. и временно находившихся под властью Византии.

5. Проанализированы произведения, завершающие историю ряда важных феноменов классической письменной традиции:

- латинской хроники на Востоке (Марцеллин Комит, Виктор Тонненский);

- латинского эпоса (Корипп);

---

[1] *Brown P.* The world of Late Antiquity. From Marcus Aurelius to Muhammad. L., 1971; Late Antiquity. A Guide to the Postclassical World / Ed. by G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge Mass., 1999; *Ляпустина Е.В.* Поздняя античность - общество в изменении // Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность. М., 2002. С. 31-46; *Ващева И.Ю.* Концепция Поздней античности в современной исторической науке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6 (1). С. 220–231; *Селунская Н.А.* Late Antiquity: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires Unlimited» // ВДИ. 2005. № 1. С. 249–253; *Болгов Н.Н., Литовченко Е.В., Смирницких Т.В.* Поздняя античность: специфика эпохи и новые подходы к изучению // Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития. Белгород, 2007. Т.1. С. 47.

[2] *Marcone A.* A Long Late Antiquity? Considerations on a Controversial Periodization // Journal of Late Antiquity. Vol. 1. №1. 2008. P. 4-19; *James E.* The Rise and Function of the Concept «Late Antiquity» // Ibid. P. 20-30.

- латинского стихотворного панегирика (Корипп, Присциан);
- латинской грамматики (Харисий, Присциан).

6. Исследована роль латыни в высших школах Ранней Византии, изучены роль и место латинского языка в юридической школе Берита и Константинопольском университете, рассмотрена роль учителей («профессоров») в этих школах.

7. Выявлен и изучен феномен «трансляции» латинской культуры из провинций в Константинополь вслед за перемещением государственных и административных структур. Наиболее характерны здесь связи между византийской Африкой и Константинополем.

Положения, выносимые на защиту:

1. Латинский язык в Ранней Византии играл особую роль, будучи официальным языком государства, армии, права – при ведущей роли греческого как разговорного, культурного, муниципального, а с сер. V в. - и провинциального.

2. Территории с латиноязычным населением входили в мультикультурную мозаику империи, составляя в ней особый локус, связанный с римской имперской традицией и культурой.

3. На временно отвоеванных территориях Италии и Испании латинский язык не стал дополнительным каналом интеграции с греческим Востоком. Африка же явила пример переселения ряда своих уроженцев-интеллектуалов в Константинополь, где они сыграли важную роль в развитии латинской культуры (Присциан, Корипп); временное отвоевание западных провинций не стало стимулом к регенерации латинского языка на Востоке.

4. В сочинениях грекоязычных историков и писателей, крупных чиновников Ранней Византии (Иоанн Лид, Зосим) встречается много латинских терминов и латинизмов, что объясняется их государственной службой и, частично, преподаванием латинского языка (Лид).

5. Латинские хроники Константинополя отличаются от синхронных западных развернутым повествованием и большим вниманием к роли государства и латиноязычных регионов (Иллирия для Марцелина Комита).

6. Заключительные представители латинских литературных жанров (эпос, панегирик) не случайно осели в Константинополе, а «догоняли» ускользавшую с Запада и перетекавшую на Восток империю, которую они воспевали.

7. Итоговая систематизация латинской грамматики осуществлена в Константинополе при заинтересованности империи, нуждавшейся в официальном языке государства, права и армии.

8. Латинская школа в столице и региональных центрах выступала хранителем традиций латинского языка в продолжавших быть актуальными для государства сферах (юридическая школа в Берите).

Источниковую базу исследования составляют, прежде всего, латинские сочинения различных авторов, живших преимущественно в Константинополе или латиноязычных провинциях Ранней Византии. Это поэты, авторы хроник, грамматики, юристы.

Наиболее ярко представлена поэтическая традиция в лице эпического латинского поэта Флавия Крескония Кориппа, чье творчество, находясь на стыке нескольких традиций, следует и ранневизантийской (несмотря на латинский язык), и позднеримской. Он родился в Африке в начале VI в. в селении недалеко от Карфагена. Корипп оставил две важные поэмы с промежутком приблизительно в 20 лет между ними. «Иоаннида» в VIII книгах[1] рассказывает о подавлении восстаний племен в Византийской Африке при полководце Иоанне Троглите вскоре после ее аннексии империей. В поэме сообщается много подробностей об Африке и ее народах, о византийской армии и администрации, о политике империи и религиозной ситуации. «Панегирик Юстину Младшему»[2], написанный в Константинополе, состоит из IV книг, и в нем рассказывается о погребении Юстиниана и воцарении Юстина Младшего. Поэма является важным источником по дворцовому церемониалу, коронации императора и др.

Присциан (2-я пол. V - нач. VI вв.) из Кесарии (Мавретания) работал при дворе Анастасия[3], автор грандиозного «Грамматического руководства» (Institutio de arte grammatica) в XVIII кн. - главного пособия по латинскому языку в последующие века. Кроме того, до нас дошел ряд стихотворений (главное из которых - панегирик Анастасию: De laude Anastasii imperatoris). Присциан для нас интересен как представитель латинской панегирической поэзии между Сидонием и Кориппом, а также как грамматик.

Флавий Харисий (IV в.) - один из крупнейших позднеантичных грамматиков, живших в Константинополе. Автор сочинения «Грамматика» в V кн., из которых сохранились I-III, IV - с пропусками, а от V сохранился лишь отрывок.

Марцеллин Комит (V-VI вв.)[4] - государственный служащий родом из Иллирии, секретарь императора Юстиниана. Его сочинение охватывает события 379-534 гг. Единственный источник, последовательно освещающий конец V - начало VI вв. Один из лучших источников по позднеантичному времени, близкий к константинопольскому двору. Это обстоятельство, а также факт происхождения автора из Иллирии, объясняют использование им латинского языка для своего сочинения[5].

Виктор Тонненский (Туннунский) [6] - хронист из Африки. Продолжатель «Хроники» Проспера Тирона Аквитанского. Создал свой труд в 40-60-е гг. VI в. в Константинополе. Он охватывает время от Сотворения мира до 566 г. (начало правления Юстина II в Константинополе). Текст -

---

[1] *Diggle J., Goodyear F.D.R.* Flavii Cresconii Corippi Iohanidos seu de Bellis Libycis Libri VIII. Cambridge, 1970; The Iohannis or De Bellis Libycis of Flavius Cresconius Corippus / Ed. G.W. Shea. Lewiston, 1998.

[2] Flavius Cresconius Corippus. In laudem Iustini Augusti minoris, Libri IV / Ed. Av. Cameron. London, 1976.

[3] Prisciani grammatici Caesarensis Institutionum grammaticarum libri XVIII // Ed. M. Hertzil. V.1-2. Lips., 1855; Priscianus Periegesis // GGM. V.II. P. 190-191; *Coyne P.* Priscian's De laude Anastasii imperatoris. McMaster Univ., 1988; Prisciani institutionum grammaticalium librorum I-XVI, indices et concordantiae. Curantibus Cirilo Garcia Roman, Marco A. Gutierrez Galindo. Hildesheim, New York: Olms-Weidmann, 2001.

[4] Marcellinus Comes. Chronicon / Ed. Th. Mommsen // MGH.AA. T.IX. V.II. B., 1894. P. 37-108; The Chronicle of Marcellinus Comes. Canberra, 1996; Марцеллин Комит. Хроника. Белгород, 2010.

[5] *Treadgold W.* The Early Byzantine Historians. Palgrave, Macmillan, 2010. P. 227-235.

[6] Victor Tonnonensis. Chronica / Ed. Th. Mommsen // MGH. AA. T.IX. V.II. B., 1894. P. 184-206.

последовательная фиксация консульств с изложением событий до 542 г., а в период 542-566 гг. - о событиях «после консулов», которые датируются по годам правления Юстиниана. В отличие от западных хроник, нередко упоминает события на востоке.

К важным авторам в контексте нашей темы можно отнести двух грекоязычных авторов, относившихся с особым вниманием к римской антикварной традиции и римской истории, крупных императорских чиновников и придворных – Зосима и Иоанна Лида. Зосим[1] - последний языческий историк, комит и экс-адвокат фиска. «Новая история» в VI кн. - единственная языческая история на греческом языке конца V в., сохранившаяся полностью. Иоанн Лид[2] родился в 490 г. в Филадельфии Лидийской. В 511 г. приехал в Константинополь. Учился философии. Около 40 лет служил на военном и дипломатическом поприще. В 551 г. из-за интриг Иоанна Каппадокийского ушел в отставку. Занявшись литературным трудом, в 554-557 гг. он пишет свое основное сочинение – «О должностях (властях) римского государства» в III книгах, затем, до 561 г. – еще два сочинения – «О месяцах» и «О гадании». Лид был замечен Юстинианом, за его знание латыни (особенно популярная в предшествующее время в Восточной империи, она становилась уже редкой в столице) после отставки с государственной службы он был назначен профессором латинской словесности Константинопольского университета. Ему была поручена императором специальная задача - объяснить его современникам историю и сущность различных римских учреждений в порядке их появления, подчеркивая непрерывную преемственность римской государственности и законов, и, таким образом, показать подлинно римский характер Восточной империи. Как Лид, так и Зосим употребляют в своих трудах немало латинизмов относительно, прежде всего, государственной и политической лексики, что отражает ситуацию с ролью латинского языка в близких ко двору кругах в VI в.

Важнейшая роль латинского языка как языка государства и права проявилась в подготовке в Константинополе «Свода гражданского права»[3]. Юстиниан попытался предпринять грандиозную реставрацию поздней Римской империи, систематизатор римского права. Наиболее важны «Институции» - IV книги, выбранные из «Дигест» и излагающие их содержание, и «Кодекс Юстиниана» - наиболее полный и последний по времени официальный сборник римских законов, завершивший оформление системы римского права.

---

[1] Zosimus. Historia nova / Ed. L. Mendelsohn. Lips., 1887; Зосим. Новая история. Белгород, 2010; *Treadgold W.* The Early Byzantine Historians. Palgrave, Macmillan, 2010. P. 107-114.

[2] Ioannes Lydus. On powers, or, The magistracies of the Roman state / Ed. A.C. Bandy. Philadelphia: American Philosophical Society, 1983; *Treadgold W.* The Early Byzantine Historians. Palgrave, Macmillan, 2010. P. 258-264.

[3] Institutiones und Digesta / Ed. P. Krueger, Th. Mommsen. B., 1889; Corpus juris civilis. Institutiones / Ed. by J.T. Abdy, B. Walker. Cambr., 1876; Corpus iuris civilis. V.2. Codex Justinianus / Rec. P. Krueger. B., 1906; Constitutiones / Ed. K.E. Zacharia von Lingenthal. Leipzig, 1875-1876; Edicta / Ed. K.E. Zacharia von Lingenthal. Leipzig, 1884-1885; Novellae / Ed. G. Kroll. B., 1928.

Административное устройство Поздней империи устанавливается по латинскому сочинению Notitia Dignitatum[1]. Это государственный справочник («Список достоинств и должностей всей империи») - свод всех военных и гражданских должностей с описанием организации и дислокации римского сухопутного войска по всем провинциям. Некоторые сведения восходят еще к III в., но основная масса информации относится ко времени составления - ок. 400 г. Это важнейший источник по военной и административной истории Поздней Римской империи.

В приложениях к этому тексту часто помещают небольшое произведение Notitia urbis Constantinopolitanae (I пол. V в.) - описание 14 районов и некоторых важнейших архитектурных сооружений Константинополя. Составлено при Феодосии II (408-450 гг.)[2].

Дополнительный характер носит использование сочинений грекоязычных авторов позднеантичного времени: письма ритора Либания (314-394 гг.)[3], Евнапия (347-420 гг.) «Жизни философов и софистов»[4], сочинений ведущего ранневизантийского светского историка Прокопия Кесарийского[5], «Хронографии» Иоанна Малалы (491-578 гг.)[6], «Церковной истории» Захарии Ритора[7], а также привлеченные для аналогии сочинения Прокопия Газского (475-528 гг.)[8].

Для большинства рассматриваемых авторов латынь выбирается в качестве языка своего труда в силу происхождения из латиноязычных провинций (Иллирия, Африка) или (и) в силу близости ко двору. Даже сочинения крупных придворных Лида и Зосима, несмотря на греческий язык, тематически и терминологически связаны с латынью. В целом можно сделать вывод о том, что имеющихся источников вполне достаточно для решения основных задач исследования, как в количественном, так и в репрезентативном отношении. В силу характера и особенностей сохранившейся традиции ряд проблем можно рассмотреть более подробно (поэзия, хроники).

Историография по ряду рассматриваемых в работе авторов достаточно обширна, но все эти труды посвящены преимущественно конкретным авторам и сочинениям. Специально роль и место латинского языка в этнокультурной мозаике Ранней Византии еще никто не рассматривал.

---

[1] Notitia Dignitatum et Administratum totiae Imperiae / Ed. O. Boeking. B., 1832. V. 1-2.

[2] См. подробнее: *Drakoulis, Demetrios.* The Functional Organization of Early Byzantine Constantinople, according to the Notitia Urbis Constantinopolotanae // ΑΝΟΙΧΤΟΣΥΝΗ. Studies in honour of Vasiliki Papoulia. Thessaloniki: Vanias, 2012. P. 153-184.

[3] Selected Letters of Libanius / Ed. Scott Bradbury. Liverpool, University Press, 2004.

[4] *Евнапий*. Жизни философов и софистов // Римские историки IV века. М. , 1997. С. 225-296.

[5] Procopii Caesariensis opera Omnia / Rec. J. Haury. Lipsiae, 1962; Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. М., 1996; Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. СПб., 1998.

[6] Ioannis Malalae Chronographia / Rec. L. Dindorf. Bonn, 1831; The Chronicle of John Malalas. Melbourn, 1986.

[7] Zacharias Rhetor. Historia ecclesiastica / Ed. E. Brooks. P., 1919-1921.

[8] Procopius Gazaeus. Opuscula rhetorica et oratoria / ed. E. Amato. Berolini-Novi Eboraci, 2009; Rose di Gaza: gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza / ed. E. Amato. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2010.

Территориальных и отчасти языковых аспектов истории Ранней Византии касался Андре Гийу[1], но север Балкан он практически не затрагивает. Приблизительно таков же краткий очерк регионов Византии Д. Оболенского[2]. О политической борьбе за Иллирик между двумя империями в период Поздней античности писал В.Т. Сиротенко[3]. Церковную историю региона изучал Г.Е. Захаров[4], но в целом его исследования касаются более раннего периода и не выходят выше начала V в.

При Юстиниане в состав империи были возвращены Африка и (ненадолго) Италия с Испанией. Обстоятельства отвоевания Запада и специально финансовые аспекты этого процесса освещены в монографии В.В. Серова[5]. Лучшим исследованием по византийской Италии остается книга З.В. Удальцовой[6], а по византийской Африке – Шарля Диля[7]. Византийская Испания стала предметом краткого очерка Ю.Б. Циркина[8]. Рассматривая различные политические и экономические аспекты византийского присутствия в данных областях, исследователи совершенно не освещали роль и место латинского языка в их администрации и культуре. Лишь А.А. Чекалова[9] кратко отметила, что отвоевание Запада не привело к повышению роли латыни в Константинополе.

Большинство отдельных латинских авторов Ранней Византии связано с Константинополем, но показательно, что все они приехали в столицу из латиноязычных регионов: Присциан, Корипп, Виктор Тонненский – из Африки, Марцеллин Комит – из Иллирии.

Среди латинских сочинений Константинополя важнейшее место принадлежит хроникам. Хроника Марцеллина Комита уже становилась предметом изучения. Первое место среди ее исследователей следует отвести австралийскому исследователю Брайану Кроуку[10], автору двух специальных монографий и серии статей об этой хронике и ее авторе. Достаточно большой вклад в изучение хроники внес А.С. Козлов[11]. Тем не менее, следует указать

---

[1] *Гийу А.* Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005. С. 36-52,

[2] *Оболенский Д.* Византийское Содружество Наций. М., 1998.

[3] *Сиротенко В.Т.* Борьба Западной Римской империи и Византии за префектуру Иллирик в 395-425 гг. и ее последствия // Античная древность и средние века. Свердловск, 1972. Вып. 8. С. 73-88.

[4] *Захаров Г.Е.* Иллирийские церкви в эпоху арианских споров (IV – начало V в.). М., 2012.

[5] *Серов В.В.* Финансовая политика Юстиниана Великого. Новосибирск; Барнаул, 2011.

[6] *Удальцова З.В.* Италия и Византия в VI веке. М., 1959.

[7] *Diehl S.* L'Afrique byzantine: Histoire de la domination byzantine en Afrique (533-709). P., 1896.

[8] *Циркин Ю.Б.* Испания от античности к средневековью. СПб., 2010. С. 256-267.

[9] *Чекалова А.А.* Борьба западных и восточных тенденций в Византии в ранний период // Византия и византийское наследие в России и в мире. М.: МГУ, 2013. С. 264.

[10] *Croke, Brian*. The Chronicle of Marcellinus in its contemporary and historiographical context. Oxford, 1979; *Croke, Brian*. Count Marcellinus and his chronicle. Oxford; New York: Oxford University Press, 2001; *Croke, Brian*. Christian Chronicles and Byzantine History, 5th–6th Centuries. London: Ashgate Variorum, 1992; *Croke, Brian*. Chronicles, Annals and "consular Annals" in Late Antiquity // Chiron. Pt. 31. 2001. P. 291-331; *Croke, Brian*. City Chronicles of Late Antiquity // Reading the Past in Late Antiquity / Ed. G. Clarke, B. Croke, R. Morley, A. Emmet Nobbs. Sydney, 1990. P. 165-202; *Croke, Brian*. Latin historiography and the barbarian kingdoms // Greek and Roman historiography in late antiquity. 2003. P. 349-389; *Croke, Brian*. The early development of Byzantine chronicles // Studies in John Malalas. 1990. P. 27-38.

[11] *Козлов А.С.* «Варвары» комита Марцеллина в исторической традиции V – начала VI вв. // АДСВ. 34. Екатеринбург, 2003. С. 54-66; *Козлов А.С.* Комит Марцеллин о позднеантичном городе // АДСВ. 26. Екатеринбург, 1992. С. 46-55; *Козлов А.С.* Комит Марцеллин, Виктор Туннунский и Марий Аваншский о

на то, что латинский язык этой хроники и ее место в латинском сегменте культуры Ранней Византии не были предметом специального исследования.

Виктор Тонненский – автор менее содержательной хроники. Соответственно, его труд привлекал меньшее внимание исследователей. Здесь можно назвать лишь работы А.С. Козлова[1].

Ключевым автором для нашего исследования, наиболее показательным и важным для истории культуры является Кресконий Корипп Африкан Грамматик. Специально Кориппом в зарубежной науке занимались только Дж. Шиа[2] («Иоаннида») и Эв. Кэмерон[3] («Панегирик Юстину»). П. Ридльбергер[4] посвятил монографию толковому комментарию к 8 книге «Иоанниды». Ряд статей (А. Рамирес, В. Дзарини, Д. Маттингли, Д. Шаллер и др.) посвящен частным проблемам - связи Кориппа и ранней римской поэзии на примере Кв. Энния, текстуальным проблемам «Панегирика Юстину», жанровой принадлежности «Иоанниды» - античному эпосу или скорее средневековой "жансон дю жест", и др. При достаточно большом количестве работ, посвященных наследию Кориппа в зарубежной науке, необходимо отметить полное отсутствие исследований такого рода в России.

О латинской литературе ранневизантийской Африки в целом есть небольшое исследование Эверил Кэмерон[5].

Присциан как поэт стал предметом специального изучения лишь Патриции Койн – автора единственной монографии о «Панегирике Анастасию»[6]. Малые стихотворные произведения Присциана вообще не привлекли внимания исследователей. В отечественной науке поэт Присциан также «не существует», так как о нем упоминает и кратко характеризует поэму лишь Ю.А. Кулаковский в своем обзоре эпохи Анастасия[7].

Грамматические труды Харисия и Присциана не были обойдены вниманием в мировой науке[8]. Однако, в отечественных исследованиях и здесь зияет значительная лакуна.

Последний античный греческий историк Зосим был крупным византийским чиновником. Поэтому латинизмы неизбежны в его обширной

«чужих» народах // АДСВ. 31. Екатеринбург, 2000. С. 60-91; *Козлов А.С.* О некоторых особенностях хроники Продолжателя Марцеллина // АДСВ. 33. Екатеринбург, 2002. С. 29-39.

[1] *Козлов А.С.* Комит Марцеллин, Виктор Туннунский и Марий Аваншский о «чужих» народах // АДСВ. 31. Екатеринбург, 2000. С. 60-91; *Козлов А.С.* Идейно-политическая направленность хроники Виктора Тонненского // АДСВ. 1987. С. 23-41.

[2] *Shea G.W.* Introduction // The Iohannis or De Bellis Libycis of Flavius Cresconius Corippus. Lewiston, 1998. P. 1-62.

[3] *Cameron Av.* Introduction // Flavius Cresconius Corippus. In laudem Iustini Augusti minoris, Libri IV. London, 1976. P. 1-26.

[4] *Riedlberger P.* Philologischer, historischer und liturgischer Kommentar zum 8. Buch der Johannis des Goripp. Nebst kritischer Edition und Übersetzung. Groningen: Forsten 2010.

[5] *Cameron Av.* Byzantine Africa: The Literary Evidence // Excavations at Carthage. Tunis. Univ. of Michigan, 1982. Vol. 7. P. 29-62.

[6] *Coyne P.* Priscian's De laude Anastasii imperatoris. McMaster Univ., 1988.

[7] *Кулаковский Ю.А.* История Византии. 395-518 годы. СПб., 1996. С. 420-421.

[8] Priscien. Transmission et refondation de la grammaire, de l'antiquité aux moderns / Eds. M. Baratin, B. Colombat, L. Holtz. Brepols Publishers, 2009; *Luhtala A.* Grammar and philosophy in late Antiquity: a study of Priscian's sources. L., 2005.

«Новой истории». В целом Зосима изучали Ф. Пашу[1], Р. Ридли[2] и ряд других авторов[3]. В отечественной науке он привлек внимание Н.Н. Розенталя[4], К.В. Жукова[5] и др., но первый русский комментированный перевод появился только в 2010 г.[6], однако, и за этот короткий срок был дан заметный стимул к зосимоведческим исследованиям (О.С. Грудинина[7], Д.С. Пуховец[8] и др.).

Иоанн Лид – один из наиболее показательных авторов в плане соотношения римской тематики и греческого языка. Существует две монографии о Лиде, их авторы - М. Маас[9] и К. Келли[10], помимо ряда статей, из которых наиболее важна работа о латинизмах у Иоанна Лида М. Дюбюиссона[11]. В отечественной науке этот крупный автор почти полностью обойден вниманием, кроме статьи З.В. Удальцовой[12].

«Свод гражданского права» неоднократно становился предметом исследований самого разного рода. Поэтому мы рассмотрим лишь его роль для латинского языка в Ранней Византии.

Латинский язык в юридической школе Берита изучала Л. Хэлл[13].

Роль латыни в преподавании в контексте истории школы в целом для Ранней Византии изучал Р. Кастер[14], касаясь грамматики. Риторика же в то время оставалась практически полностью греческой. Латинский язык преподавался и в Константинопольском «университете»[15], о чем писал П. Лемерль[16].

Проблемы латинского пласта культуры Ранней Византии упоминал в своем фундаментальном исследовании А.Х.М. Джоунз[17].

О латыни в Византии в целом писал Б. Болдуин[18], но его статья вышла почти 30 лет назад, охватывает более широкие хронологические рамки и

---

[1] *Pashoud F.* Cinq etudes sur Zosime. Paris,1975.
[2] *Ridley R.T.* Zosimus the Historian // ByzZ. 65. 1972. P. 277-302.
[3] *Cichocka H.* La prose historique de Zosime // From Late Antiquity to Early Byzantium. Praha, 1985. P. 253-256; *Goffart W.* Zosimus, the First Historian of Romes' Fall // AHR. 76. 1971. P. 412-441.
[4] *Розенталь Н.Н.* Религиозно-политическая идеология Зосима // Древний мир. М., 1962. С. 611-617.
[5] *Жуков К.В.* Проблемы кризиса цивилизации в трудах Зосима и других историков IV-VI вв. н.э. Великий Новгород, 2008.
[6] Зосим. Новая история. Белгород, 2010; *Болгов Н.Н.* Зосим – историк поздней античности // Сборник научных трудов преподавателей и аспирантов. Вып. II. Белгород, 1995. С. 106-112; *Болгов Н.Н.* Зосим – последний античный историк // Вопросы истории. № 8. 2006. С. 157-166.
[7] *Грудинина О.С.* Источниковедческая проблематика Зосима // Классическая и византийская традиция. 2012. Белгород, 2012. С. 195-197.
[8] *Пуховец Д.С.* Образ Константина Великого в «Новой истории» Зосима // XVII Сергеевские чтения. М., 2013. С. 63.
[9] *Maas M.* John Lydus and the Roman Past. London; New York, 1992.
[10] *Kelly Ch.* Ruling the Later Roman Empire. Cambridge (Mass.), 2004.
[11] *Dubuisson M.* Jean le Lydien et le latin: les limites d'une competence // Serta Leodiensia secunda. Liege: CIPL, 1992. P. 123-131.
[12] *Удальцова З.В.* Из византийской хронографии VII в. 1. Иоанн Лаврентий Лид. 2. Пасхальная хроника // ВВ. 45. 1984. С. 54-65.
[13] *Hall L.J.* Roman Berytus. L.-N.Y., 2005.
[14] *Kaster R.A.* Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley: Univ. of California Press, 1997.
[15] *Самодурова З.В.* Школы и образование // Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984.
[16] *Лемерль П.* Первый византийский гуманизм. СПб., 2012. С. 89-91.
[17] *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire. V. I-III. L., 1964 (repr. 1992).
[18] *Baldwin B.* Latin in Byzantium // From Late Antiquity to Early Byzantium. Praha, 1985. P. 237-241.

невелика по объему. Об употреблении латыни на востоке и в Константинополе писали также Л. Хан[1], Б. Хеммердингер[2], Ж. Дагрон[3], Ж. Бокам[4].

Степень жизнеспособности латинского языка в Константинополе VI в. достаточно дискуссионна. Мнение Жильбера Дагрона, по которому греческий был доминирующим языком культуры, тогда как знание латинского было ограничено чиновниками императорской администрации, и латинский обычно не использовался императорским окружением, было поставлено под сомнение М. Саламоном[5], утверждавшим, что латинский не был ограничен администрацией и небольшими общинами выходцев из Италии и Африки, и что интерес к латинской культуре был весьма сильным. Он показывает, что круг аристократов и чиновников, заинтересованных в равной мере греческими и латинскими штудиями, а также в связях с интеллектуалами на западе, концентрировался вокруг Присциана, и указывает также, что потребность в латыни как языке культуры в значительной мере сохранялась в течение VI века. Однако, такой взгляд представляется нам в значительной мере преувеличенным.

Таким образом, мы видим крайнюю неравномерность в историографии рассматриваемого круга проблем:

1. Отечественная наука практически не рассматривала латинских авторов Ранней Византии и их сочинения, кроме Марцеллина Комита.

2. В мировой науке относительно изучен лишь Корипп и его произведения, однако латинская литература Ранней Византии совершенно не изучена как явление.

3. В территориальном аспекте проблемы лучше изучена латинская литература Африки, но в целом ее роль для Константинополя и отдельных регионов не рассматривалась.

В целом, обзор историографии обнаруживает, что как в зарубежной, так и в отечественной литературе специального исследования о латинской культуре Ранней Византии не предпринималось.

Методологическая основа. Теория локальных цивилизаций предоставляет историку возможность изучения сложных систем, в качестве которых рассматриваются локальные цивилизации, в совокупности ее элементов, а культурные фазы считаются основным критерием смены циклов. Методологические принципы теории локальных цивилизаций позволяют выдвинуть предположение о том, что христианизирующееся общество Поздней империи являлось особой культурной системой,

---

[1] *Hahn L.* Zum Schprachenkampf in romishen Reich bis auf die Zeit Justinians // Philologus. 10. 1907. S. 675-718.

[2] *Hemmerdinger B.* Les lettres latines a Constantinople jusqu a Justinien // Byzantinische Forschungen. 1. 1966. P. 173-179.

[3] *Dagron G.* Aux origins de la civilization byzantine: langue de culture et langue d'etat // Revue historique. 241. 1969. P. 23-56.

[4] *Beaucamp J.* Byzance et l'heritage latin: le discours juridique du VIe au Xe siècle // *Beaucamp J.* Femmes, patrimoines norms a Byzance. Paris, 2010. P. 283-293.

[5] *Salamon M.* Priscianus und sein Schulerkreis in Konstantinopel // Philologus. 123. 1979. S. 96.

уникальность которой нашла свое выражение, в том числе, в феномене латинского этнокультурного сегмента Ранней Византии.

В работе также использованы историко-культурологический подход, для которого характерно сосредоточение внимания на различных аспектах историко-культурного наследия Поздней античности, а также принцип историзма.

Методы. *Метод контент-анализа* (Б. Берельсон, К. Криппендорф), позволяет осуществлять правильный сбор информации по проблеме, исследовать текст источника по пути восхождения от текста к созданию внетекстовой реальности, предполагает строгость и последовательность исследования. С помощью этого метода выявляются социальные и культурные тенденции, которые позволяют составить целостную картину генезиса и принципов эволюции рассматриваемого феномена.

Применение *метода структурно-функционального анализа* (Т. Парсонсон) позволяет делать выводы о том, позднеантичное общество состояло из функционально взаимосвязанных элементов, влиявших друг на друга и определявших развитие самой системы, а также предположить, что в данном обществе существовала тесная взаимосвязь различных социальных, духовных, политических элементов, повлиявших на латинскую поэтическую традицию эпохи, нашедшую завершение в Константинополе.

Компаративный (сравнительно-исторический) метод применяется к процессу выявления существенных отличительных признаков финальной фазы античной эпической традиции по сравнению с предшествующими.

Историко-генетический метод позволяет углубиться в проблемы происхождения и ранних фаз эволюции рассматриваемых феноменов.

Историко-биографический метод дает возможность углубиться в историю жизни и творчества важнейших рассматриваемых персоналий - Кориппа, Присциана, Марцеллина Комита, Иоанна Лида и др.

Практическая значимость. Материалы диссертации могут быть использованы при создании учебных и методических пособий, лекций и семинарских занятий по университетским курсам истории древнего мира, истории Византии, истории мировой художественной культуры, культурологии, истории мировых религий, а также латинского языка.

Тематика диссертации была поддержана Внутривузовским грантом БелГУ для аспирантов и студентов 2013 г. ВКАС № 16-13, проект «Финал латинской позднеантичной культуры в Ранней Византии».

Апробация. По теме диссертации опубликовано 17 работ, в т.ч. 3 - в изданиях по списку ВАК РФ. Сделано около 20 докладов на научных конференциях в России и Украине, в том числе: «Ломоносов» (Москва, МГУ, 2013); «Семеновские чтения» (Москва, МПГУ, 2013), «Актуальные проблемы истории древнего мира» (Киев, 2013), «Проблемы истории и археологии Украины» (Харьков, 2012), «Кондаковские чтения» (Белгород, 2013), «Каразинские чтения» (Харьков, 2011, 2012, 2013), «Одесские чтения» (Одесса, 2012), «Столица и провинция: история взаимоотношений» (Воронеж, 2012), «Историческое пространство как феномен культуры»

(Сыктывкар, 2012), «Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории» (Псков, 2012), «Глуховские научные чтения» (Глухов, 2011), «Классическая и византийская традиция» (Белгород, 2010, 2011, 2012, 2013), «Белгородский диалог» (Белгород, 2011, 2013).

Соответствие шифру специальности. Диссертация соответствует шифру специальности 07.00.03 Всеобщая история (история древнего мира); областям исследования 2. История Древнего мира (история Античности), 8. История цивилизации, стран, народов, регионов, 21. История культуры и образования; 25. Историческая география.

Соответствие тематике НИР. Тема диссертации соответствует тематике научного направления НИУ «БелГУ» «Классическая и византийская традиция».

Структура работы обусловлена ее основной целью и задачами. Исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В **главе I «Латинский язык и государство в Ранней Византии»** характеризуется этатистская сфера распространения латинского языка в империи.

§ 1 «Латынь как язык императорской администрации, провинциального управления и армии» обобщает информацию о распространении латинского языка в сферах, связанных с государством. Перенесение столицы в Константинополь, а затем раздел 395 г. поставили императорскую власть на Востоке перед фактом новой языковой ситуации: единственный государственный язык – латинский – оказался в окружении населения провинций, говоривших преимущественно по-гречески[1]. Кроме того, уровня литературного достиг еще ряд языков – сирийский, коптский, армянский. Поэтому в этой ситуации постепенно снижается роль латинского под давлением «снизу». В середине V в. указами префекта Кира Египетского (439-441 гг.) допускается использование греческого языка в провинциальном управлении (Lyd. De mag. III, 32). В армии также идет процесс внедрения греческого в повседневный обиход как общепонятного языка. Официальная административная и военная структура империи устанавливается по латинскому справочнику «Notitia dignitatum». Аналогичный документ для столицы – «Notitia Urbis Constantinopolitanae». Еще одним латинским памятником Ранней Византии является географическо-административный трактат «Expositio totius mundi et gentium» (текст IV в., древнейшие латинские списки датируются VI в.). Данные источники подтверждают официальный характер латинского языка в государстве (императорской канцелярии) и армии[2].

---

[1] *Baldwin B.* Latin in Byzantium // From Late Antiquity to Early Byzantium. Praha, 1985. P. 237-241.

[2] *Dagron G.* Aux origins de la civilization byzantine: langue de culture et langue d'etat // Revue historique. 241. 1969. P. 23-56.

§ 2 «Латынь как язык права. Corpus juris civilis» рассматривает круг проблем, связанных с завершением кодификации римского права в Константинополе V-VI вв. «Кодекс Феодосия» 438 г. и весь «Свод римского права» 533-534 гг. были составлены и опубликованы на латинском языке. «Переезд» империи на восток, концентрация власти в новой столице и официальный характер латинского языка объясняют факт появления свода римского права именно на этом языке в Ранней Византии в контексте политики Юстиниана Великого. Однако, также характерно, что уже сам Юстиниан[1] распорядился о подготовке греческого подстрочного перевода, а большинство обширных комментариев к «Корпусу» готовились уже изначально на греческом языке. Впервые указом от 3 января 397 г. император Аркадий (CJ. VII, 62, 32) разрешил судьям при рассмотрении местных дел в провинциях в гражданском судопроизводстве выносить приговоры на греческом языке. В 1-й пол. V в. Феодосий Младший разрешил выражать последнюю волю в завещании на греческом языке (Nov. Theod. 16, 8 от 12 сентября 439 г.). В VI в. Юстиниан в «Институциях» указал, что при заключении взаимных обязательств стипуляция (соглашение) может быть осуществлена сторонами не только на латинском, но и на греческом либо другом языке (сирийском, египетском). Для признания действительности судебного решения постепенно язык становится безразличным. Обе договаривающиеся стороны могут употреблять разные языки, важно лишь, чтобы ответы соответствовали вопросам. Со временем предпочтение все больше и больше отдается греческому языку.

§ 3 «Влияние латыни на ранневизантийских авторов: Зосим и Иоанн Лид» посвящен влиянию официального латинского языка на сочинения важных представителей грекоязычной исторической и антикварной традиций Ранней Византии, тесно связанных с государством, крупных столичных чиновников. Зосим, последний языческий историк классической традиции (рубеж V-VI вв.), часто использует латинизмы, связанные с государственной, административной и военной сферами. Иоанн Лид, крупный императорский чиновник сер. VI в.[2], был одно время профессором латинского языка в Константинопольском университете, а его главный труд «О должностях римского народа» был призван (на греческом языке) утвердить непрерывность римской государственной и культурной традиции на востоке. Лид был озабочен судьбой латинского языка в империи, так как видел нараставшие тенденции к его вытеснению[3]. Он своевременно напоминает о пророчестве Ромула, что «фортуна оставила римлян, когда они забыли свой родной язык»[4]. Характеризуя законы префекта Кира, Лид пишет: «Итак, он осмелился пренебречь древней практикой, и издал свои декреты на

---

[1] *Rochette B.* Justinien et la lange latine. À propos d'un prétendu oracle rendu à Romulus d'après Jean le Lydien // BZ. Bd. 90. 1997. S. 413-415.

[2] *Maas M.* John the Lydus and the Roman Past. Antiquarianism and Politics in the Age of Justinian. L., 1992.

[3] *Dubuisson M.* Jean le Lydien et le latin: les limites d'une competence // Serta Leodiensia secunda. Liege: CIPL, 1992. P. 123-131.

[4] *Rochette B.* Justinien et la lange latine. À propos d'un prétendu oracle rendu à Romulus d'après Jean le Lydien // BZ. Bd. 90. 1997. S. 413-415.

греческом языке, и вместе с языком римлян империя потеряла свою удачу» (De Mag., III. 32). Писатель и чиновник выражает сожаление по поводу того, что латинский язык исчезает из официального делопроизводства: это, по его мнению, один из симптомов кризиса империи. Иоанн Лид возлагает вину за это на чиновников – Кира и Иоанна Каппадокийского, не замечая того, что постепенная победа греческого языка была закономерным процессом. Иоанн Лид может считаться культуртрегером и транслятором, выполнившим задачу, обратную цицероновой – отразить процесс византинизации римского государства и права. При этом желаемое Лидом сохранение роли латыни не имело перспектив, что отразил уже сам Лид греческим языком своих сочинений. Последние следы официального использования латыни в государственном управлении не выходят за середину VII в.

Глава II «Территориальный аспект распространения латыни в Ранней Византии» выделяет два уровня латиноязычных территорий, оказавшихся в составе Восточной империи. Первый – это северо-западные территории Иллирии, отошедшие по разделу 395 г. Второй – территории Африки, Италии, Испании, отвоеванные Юстинианом в VI в.

§ 1 «Латинские провинции византийской Иллирии» характеризует административное деление империи в данном регионе по состоянию на начало V в. с учетом последующих изменений. Только после смерти Феодосия в 395 г. и разделения империи на две части окончательно оформилась префектура Иллирик в составе Восточной империи, что было зафиксировано в Notitia Dignitatum. С этого момента ее столицей стала Фессалоника. Тем не менее, Западная империя продолжала предъявлять требования на диоцезы Иллирика вплоть до 437 г., когда Валентиниан III признал окончательный суверенитет Восточной империи над этой префектурой[1]. Подчеркивается роль этого региона в выдвижении будущих императоров – Анастасия, Юстина и Юстиниана. Особую роль играет уроженец Иллирии Марцеллин Комит, написавший в Константинополе латинскую «Хронику»[2], в которой уделил немало места событиям на своей родине – вторжениям варваров, знаменитым уроженцам, церковной истории и епископам, эпидемиям. Об императорах-иллирийцах хронист умалчивает (об Анастасии – видимо, из за его монофизитских симпатий, о прочих – за их общеимперскую политику, ущемлявшую регион). Все это создает вполне цельный образ автора как регионала на имперской службе в столице, помнящего о родине и интересующегося ее судьбой. Политика же императоров в отношении этого региона не отличалась какой-либо спецификой, связанной с латинским языком.

§ 2 «Интеграция латиноязычной Африки в Византийскую империю» рассматривает регион, оказавшийся наиболее важным относительно латинского языка из отвоеванных Юстинианом территорий. Это был наиболее прочный (533-709 гг.), географически изолированный от других

---

[1] *Сиротенко В.Т.* Борьба Западной Римской империи и Византии за префектуру Иллирик в 395-425 гг. и ее последствия // Античная древность и средние века. Вып. 8. Свердловск, 1972. С. 73-88.
[2] *Croke B.* Count Marcellinus and his chronicle. Oxford; New York, 2001.

регион, который дал значительное количество латиноязычных авторов, работавших как на месте, так и в столице (Корипп, Присциан, Виктор Тонненский). Территория делилась на исторические области Бизацена, Нумидия, три Мавретании (Сетифена, Цезарена, Тингитана), Триполитания. В целом, эти территории не достигли размера прежних римских владений[1]. Обстоятельства утверждения византийской власти в регионе в борьбе с восстаниями местных племен стали предметом последнего латинского эпоса античности – «Иоанниды» Кориппа, написанного и рецитированного в Африке (Карфаген). Иоанн Лид особо подчеркивал, что лучшие грамматики происходят из Африки, поэтому их необходимо выписывать оттуда для нужд государственных канцелярий (De mag. I, 166). Достаточно длительная и спокойная эпоха византийской власти в Африке охватывает полтора столетия – от сер. VI в. и почти весь VII век. Регион характеризуется вполне определенной тенденцией к «поставке» интеллектуалов (поэтов, учителей, ученых) в столицу империи.

§ 3 «Италия и Испания в этнотерриториальном комплексе Византии» обращает внимание на то, что данные страны оказались менее прочными частями империи в контексте завоеваний Юстиниана. Италия вошла в состав Византии в результате ожесточенной и разрушительной Готской войны[2]. В Италии при власти империи работал ряд латиноязычных авторов (Кассиодор, Аратор и др.), но все они находились в русле западной традиции, и с культурой Византии были практически не связаны. Основные византийские территории в Италии были быстро утрачены (после 568 г.)[3].

Владения империи в Испании также были невелики и недолговечны (563-625 гг.)[4], и на этих территориях не работали крупные латиноязычные авторы (Гидаций и Исидор Севильский писали в вестготских владениях). Однако, факт включения в состав империи значительных территорий с латиноязычным населением (при всей вульгаризации языка), пусть на короткое время, был важен. Тем не менее, на регенерацию латыни в Византии данное обстоятельство практически не повлияло.

В целом латиноязычные провинции Византии были слишком удалены от основного комплекса восточных провинций, большая часть из завоеваний Юстиниана быстро утрачена. Однако, Иллирия и Африка дали ряд важных латинских авторов для Константинополя, а сами эти регионы нашли определенное отражение в их трудах («Хроника» Марцеллина Комита, «Иоаннида» Кориппа).

Глава III «Латинская словесность в Ранней Византии» является центральной, так как посвящена рассмотрению непосредственно

---

[1] *Diehl Ch.* L'Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique (533-709). P.: Ernest Leroux, 1896. P. 226-268; *Trousset P.* Les limites sud de la réoccupation byzantine // Antiquite Tardive. T. 10. 2002. P. 143-150.

[2] *Jacobsen T.C.* The Gothic War. Rome' Final Conflict in the West. Westholme, 2009.

[3] *Zanini E.* Le Italie bizantine. Territorio, insediamenti ed economia nella provincia bizantina d'Italia (VI-VIII secolo). Bari: Edipuglia, 1998.

[4] *García Moreno L.A.* The Creation of Byzantium's Spanish Province: Causes and Propaganda // Byzantion. T. 66. 1996. P. 106-115; *Циркин Ю.Б.* Испания от античности к средневековью. СПб., 2010. С. 256-257.

сохранившихся произведений латинской письменной традиции Ранней Византии, что образует литературную сферу распространения латыни в Восточной империи.

§ 1 «Латинские хроники Константинополя (Марцеллин Комит, Виктор Тонненский)» рассматривает не столько сами указанные хроники, сколько выявляет их латинскую специфику для Византии. Главное отличие хроники Марцеллина[1] от синхронных латинских на западе состоит в том, что она более развернутая, привносит элементы объяснений описываемых событий. Основные затрагиваемые темы достаточно разнообразны: деяния императоров, город Константинополь, Иллирия, церковные споры, авторы богословских трудов и их произведения, варварские вторжения, стихийные бедствия. Особенно много внимания уделено столице, ее памятникам, повседневной жизни, борьбе общественных сил[2]. Комит Марцеллин демонстрирует традиционную официальную имперскую точку зрения, выражает ее на латинском языке не только в силу своего происхождения из Иллирии, но и в силу своей роли апологета империи. Марцеллин также проявил новаторство в том, что первым начал датировать годы описываемых событий с 1 января по 31 декабря (т.е. по консульским годам; а также параллельно по индиктам), что стало впоследствии общепринятым. Кроме того, именно к нему восходит первая в историографии идея «падения Западной Римской империи» в 476 г. (Marc. Com. Chron. 476, 2).

Виктор Тонненский значительно ближе западной традиции, так как в силу церковной оппозиционности был сослан в один из монастырей Константинополя. Это сочинение более лапидарно и не обнаруживает специфически византийских либо константинопольских мотивов, а также связи с родиной – Африкой, не теряя, однако, общеимперского сознания.

§ 2 «Завершение латинского эпоса: Кресконий Корипп» рассматривает произведение, завершающее многовековую традицию античного эпоса на латинском языке – «Иоанниду» в VIII книгах Кориппа Африкана[3]. Поэма написана в Африке вскоре после ее покорения империей и подавления восстаний племен[4]. Поэт был учителем грамматики, и сведений о его связях с имперской администрацией нет. Сюжет поэмы, в полном соответствии с эпической традицией, не связан с сокрушением королевства вандалов в Африке, а рассказывает о действиях полководца Иоанна Троглиты на фоне восстаний племен маврусиев и солдатских мятежей[5]. В итоге достигается замирение Африки[6]. Текст имеет большое историческое и культурное значение, является важным источником о ситуации в регионе, содержит

---

[1] *Croke B*. Count Marcellinus and his chronicle. Oxford; New York, 2001.
[2] *Козлов А.С.* Комит Марцеллин о позднеантичном городе // АДСВ. 26. Екатеринбург, 1992. С. 46-55.
[3] *Shea G.W*. Introduction // The Iohannis or De Bellis Libycis of Flavius Cresconius Corippus. Lewiston, 1998. P. 1-62.
[4] *Modéran Y*. Corippe et l´occupation Byzantine de l´Afrique: une nouvelle lecture de Johannide // Antiquités Africaines. 22. 1986. P. 195-212.
[5] *Удальцова З.В.* Народные движения в Северной Африке при Юстиниане // ВВ. Т. 5. 1952. С. 15-48.
[6] *Cesa M.* La pacificazione della Libia nella Iohannis di Corippo // CivCC. 6. 1985. P. 77-88.

много этнокультурных и этнографических зарисовок[1]. В целом, поэт создаёт с эпическим размахом полифоничный образ Византийской Африки как одного из регионов империи, со всей его природной и исторической спецификой[2]. В поэтическом отношении Корипп в наибольшей мере наследует традиции Вергилия, Лукана и Клавдиана. Корипп считает себя «Вергилием Юстиниана»[3], справедливо полагая, что великий император достоин эпической поэмы. Язык для такой поэмы, разумеется, должен быть латинским. Ценность поэмы Кориппа как исторического источника подтверждается в сравнении с «Вандальской войной» Прокопия Кесарийского. Местами поэт точнее историка в деталях. В «Иоанниде» мастерски обрисованы образы многих героев – как варваров (Анталы, Куцины, Стотцы, Карказана), так и византийцев (Соломона, Германа, Сергия, Ареобинда и других). Правда, заглавный образ Иоанна не очень выразителен. Эпос снабжен всеми характерными приемами данного жанра – речами героев, батальными сценами и др. Корипп хорошо владеет арсеналом классической античной мифологии, образы которой он использует для аллегорий и сравнений. Многочисленны в поэме и другие классические реминисценции и античные топосы. Четко прослеживается имперская идеология[4]. Наконец, Корипп дает образец христианского по своей идеологии произведения, уже достигшего приемлемого баланса с классической традицией. Язычество само по себе уже не опасно для ранневизантийского поэта, а античные образы используются лишь как культурный контекст и традиция. Вместе с тем, поэт использует достижения предшествующей латинской христианской поэзии (Ювенк, Пруденций, Седулий, Павлин, Драконций). Таким образом, по соотношению и взаимоотношениям христианского и античного «Иоаннида» является ярким продуктом ранневизантийского культурного синтеза. Поскольку в дальнейшем подобных поэм такого рода не появилось, Корипп может в полной мере считаться завершителем эпических традиций Вергилия[5], а вместе с Георгием Писидой – также и Гомера.

§ 3 «Латинский императорский панегирик (Присциан, Корипп)» посвящен анализу финальной фазы еще одного важного жанра римской поэзии – латинского императорского панегирика. Продолжая традиции Клавдиана и Сидония, вслед за «переехавшей» на восток империей, в Константинополе свои панегирики выпустили Присциан Грамматик при Анастасии и Кресконий Корипп при Юстине Младшем. Присциан, родом из Африки (Мавретания Цезарейская), более известен как грамматик из Константинополя, но в качестве поэта, среди прочего, издал «Похвалу

---

[1] *Modéran Y.* De bellis Libycis: Berbères et Byzantinis en Afrique au VI siècle. París, 1990.
[2] *Cameron A*. Corippus Iohannis: epic of Byzantine Africa // Papers of the Liverpool Latin Seminar. 4. 1984. P. 167-180.
[3] *Baldwin B.* Vergil in Byzantium // Antike und Abenland. 28. 1982. P. 81-93; *Bländsdorf J.* Aeneados rursus cupiunt resonare Camenae. Vergils epische Form in der Johannis des Corippus // Monumentum Chiloniense. Festschrift E. Burck zum 70. Amsterdam, 1975. P. 524-545.
[4] *Dodi R*. Coripo poeta della Romanitas Africana // Aevum. 60. 1986. P. 111-119.
[5] *Burck E.* Die Johannis der Corippus // Das römische Epos. Darmstadt, 1979. S. 379-419.

императору Анастасию»[1]. Главные темы панегирика – власть императора дана от Бога, Бог покровительствует императору. В остальном же правитель сражается с врагами, среди которых выделяются исавры и мятежники во главе с Виталианом. Специально упоминается об отмене ненавистной народу подати хрисаргира. Образ Анастасия сравнивается с образом римского полководца Помпея Магна[2]. Религиозные споры и монофизитские симпатии Анастасия в поэме не акцентируются. Панегирик находится не столько в русле эпической традиции, но скорее риторической. В нем мало персонификаций и мифологических аллюзий. Среди сравнений доминируют библейские (с Иосифом и со свирепым львом). В построении стиха Присциан следует традициям Вергилия, Овидия, Лукана, Клавдиана.

Кресконий Корипп, перебравшись в Константинополь, стремился приобрести милость со стороны высшей знати[3]. Для этого он пишет «Похвалу Юстину Младшему» в IV книгах на латинском языке[4], не только потому, что это его родной язык, но и в силу сакральной избранности узкого круга высшей знати. Этот панегирик носит эпический характер[5]. Среди главных тем – детальное описание похорон Юстиниана и коронации Юстина Младшего. Значительную часть текста занимает переложенное в стихи описание дворцового церемониала, что делает поэму важным историческим источником. Среди более частных сюжетов в контексте общего – аварское посольство, консульская инаугурация, стихотворное переложение Символа веры. Весьма примечательно, что латинская поэма предназначалась для самой интимной части грекоязычной придворной жизни. Поэма рисует идеализированную, радужную картину мира. Она носит полностью христианский, но не церковно-богословский характер. Из латинских христианских поэтов здесь Корипп испытывает влияние Седулия и Драконция. Основная тема поэмы – правление Юстина дано от Бога. Аналоги тематике поэмы можно найти в ранневизантийском императорском искусстве. Образы Кориппа зачастую более визуальны, чем литературны.

Панегирик занимает важное место в истории латинской поэзии, именно для эпохи поздней античности и политического режима домината. Завершение традиции латинских панегириков в Константинополе VI в. весьма показательно: в Византии, стремительно переходившей на греческий язык, зарождались другие, более органичные формы прославления правителей средствами литературы (греческий прозаический панегирик Прокопия Газского и т.п.).

§ 4 «Завершение латинской грамматики (Харисий, Присциан)» посвящена завершению оформления грамматики латинского языка в ранневизантийском Константинополе. Это была часть аналогичного и

---

[1] *Coyne P.* Priscian's De laude Anastasii imperatoris. McMaster Univ., 1988.
[2] *Croke B.* Poetry and Propaganda: Anastasius I as Pompey // Greek, Roman and Byzantine studies. 48. 2008. P. 447-466.
[3] *Baldwin B.* The Career of Corippus // CQ. 28. 1978. P. 372-376.
[4] *Stache U.J.* Flavius Cresconius Corippus. In laudem Iustini Augusti minoris: Ein Kommentar. Berlin, 1976.
[5] *Ramírez de Verger A.* Problemas textuales del Panegírico de Justino II de Coripo // Habis. 14. 1983. P. 61-66; *Sodano A.R.* Uno Storico poeta del secolo di Giustiniano, Flavio Cresconio Corippo // Antiquitas. 1. 1946. P. 3-36.

синхронного процесса «упаковки» античного культурного наследия в Европе накануне Средневековья. Уже в эпоху Юлиана этот процесс в новой столице начал Флавий Харисий[1]. Присциан при Анастасии завершил это грандиозное сооружение, учтя опыт всей предшествующей римской грамматической традиции, опираясь преимущественно на Харисия, Доната, Сервия. Главными достоинствами являются полнота изложения и изобилие примеров. Благодаря Присциану, сохранились многие фрагменты из произведений ранних римских классиков Энния, Пакувия, Акция, Луцилия, Катона, Варрона. Присциан также цитирует многих из сохранившихся авторов[2]. Присциан не показывает интереса к Африке в своих сочинениях и не упоминается как африканский или западный автор современными ему источниками. Видимо, на западе данным грамматическим сводом уже практически никто не интересовался[3]. Отсюда очевидна роль сохранения государства и его институций в возможностях завершения крупного научного труда по филологии в VI в.

Таким образом, латинская словесность Ранней Византии представляет собой интереснейший и важный культурный феномен, совершенно маргинальный в современной исторической науке, а также в истории литературы (прежде всего, поэзии). В Константинополе VI в. нашла место и новую жизнь латинская хроника, более развернутая и подробная, нежели на Западе, сложились финальные фазы бытования и завершение традиции латинского эпоса (Корипп), стихотворного императорского панегирика (Присциан, Корипп). Помимо поэзии важное место в истории латинского языка занимает окончательное оформление его грамматики, осуществленное в Константинополе VI в. Присцианом.

К VII столетию «живая жизнь» латинского языка, уже исчерпанная на Западе, но сохраняемая и консервируемая на Востоке под воздействием этатистского фактора, выработала весь свой потенциал. В 1-й половине VII в. прекратилось и официальное использование латинского языка императорским двором.

Глава IV. Латынь в ранневизантийской школе рассматривает образовательную сферу распространения латинского языка в Ранней Византии.

§ 1 «Латынь в юридической школе Берита и Константинопольском университете» посвящен наиболее ярким феноменам роли латинского языка в высшем специальном образовании Ранней Византии. Латинский язык оставался важным звеном образовательного процесса в области грамматики, риторики, а также права – высшей школы, в наибольшей степени связанной с государством. Наиболее известной из специальных школ в данный период была юридическая школа в Берите[4]. Там в IV-V вв. работали блестящие профессора, комментаторы римского права. Тем самым, античные традиции

---

[1] *Jeep L.* Die jetzige Gestalt der Grammatik des Charisius // RhM. 3d ser. 51. 1896. S. 401-440.
[2] *Salamon M.* Priscianus und sein Schülerkreis in Konstantinopel // Philologus. 123. 1979. S. 91-96.
[3] *Davis M.T.* Priscian and the West // Byzantine Studies Conference. Chicago, 1982.
[4] *Collinet P.* Histoire de l'ecole de droit de Beyrouth. P., 1925; *Hall L.J.* Roman Berytus. L.-N.Y., 2005.

важнейшей роли личности учителя в школе сохранялись. Школа приняла активное участие в кодификации римского права VI в., а затем в его комментировании. Из переписки Либания, Евнапия, Захарии Митиленского, «Expositio totius mundi» и др. известно, что в Беритской школе обучались выходцы из всей империи, преимущественно из Сирии, Малой Азии, Египта, Иллирии. Обычно компетентность чиновника в латинском и греческом языке открывала для него все двери, что вело в итоге к очень высокому положению. Такие карьеры, как представляется, были типичными. Латынь, таким образом, была маркером успеха и престижа. Тем не менее, поступить в беритскую школу права мог любой способный юноша. Либаний как «враждебный свидетель» противопоставляет свою школу в Антиохии и ее студентов как представителей муниципальной знати - школе в Берите и ее «простым» студентам. Христианское и классическое начала в ней уживались достаточно мирно. За школой и поведением студентов надзирали презид Финикии Приморской, епископ города, а также сами профессора, что отражает смешанный характер школы: изначально муниципальный, к которому добавился патронат со стороны церкви и провинциальной администрации. После разрушительного землетрясения 551 г. Беритская школа в прежней роли не восстановилась.

27 февраля 425 г. указом Феодосия II в Константинополе была основана высшая школа («университет»)[1], в котором были учреждены среди прочих кафедры латинской грамматики и римского права. Обучение велось на двух языках – греческом и латинском. Одновременно было запрещено частное преподавание. Императорская власть, таким образом, создавая университет, стремилась взять под свой контроль сферу образования в столице[2]. В VI в. в университете преподавал латинский язык Иоанн Лид (De Mag. III, 29), один из апологетов латыни в Византии. Институции Юстиниана позволяют представить характер преподавания в юридических школах VI в. Курс продолжался 5 лет (Inst. Just. Omnem, 2-5). На первом курсе изучались Институции и начала Дигест. На втором - разделы Дигест с судах и о вещах (книги 5-19, иногда 23, 26, 28, 30). На третьем – книги 20-22 Дигест. На четвертом курсе изучались оставшиеся книги Дигест, а на пятом – Кодекс Юстиниана. Посещение аудиторных занятий было обязательным на первых трех курсах, а на 4-м и 5-м имелись и самостоятельные занятия. Существовали особые наименования для студентов различных курсов: первый – dupondii, Iustiniani novi; второй – papianistae; третий и четвертый - λύται, пятый - προλύται[3]. Наблюдение над дисциплиной студентов в Константинополе в силу государственного характера университета было возложено на префекта города. Тенденция по укреплению государственного контроля над такой важной сферой жизни общества, как право, конечно, не случайна. Укреплявшееся государство старалось своим авторитетом

---

[1] *Speck P.* Die kaiserliche Universität von Konstantinopel: Präzisierungen zur Frage des höheren Schulwesens in Byzanz im 9. und 10. Jahrhundert // Byzantinisches Archiv, 14. Munich, 1974.
[2] *Лемерль П.* Первый византийский гуманизм. СПб., 2012. С. 89-90.
[3] *Липшиц Е.Э.* Право и суд в Византии IV-VIII вв. Л., 1976. С. 90.

подчинить себе как юридическую школу, так и юридическую науку. В целом к VII в. это удалось, тем более, что в дальнейшем процессы деурбанизации, сокращения роли муниципальной организации, потери ряда важнейших провинций Востока приведут к концентрации преподавания права в столице. Однако, латынь практически уступит свое место греческому, сохранив роль лишь книжного авторитета, первоисточника, к которому будут обращаться непосредственно всё реже и реже.

§ 2 «Учителя» обращается к персональному составу преподавателей латинского языка, риторики и права в Ранней Византии. Грамматики, выделяются в особую группу по сравнению с риторами и правоведами, так как они занимались непосредственным преподаванием латыни. В Константинополе IV-VI вв. работали 30 грамматистов. Из них в IV в. – 8; в V в. – 12; в VI в. – 10. Латинских грамматиков известно из общего числа – 11. Точно известных уроженцев столицы нет, все приехали из других городов империи. Из Африки известно 20 имен грамматистов. Из них 11 работали в IV веке (времена латинской провинции). 6 работали в вандальский период V – нач. VI вв. Трое относятся к византийскому VI веку. Все известные по языку грамматики – латинские. Только о двоих точно известно, что они работали в столице провинции – Карфагене. В Египте установлены имена 60 специалистов. К концу III в. относится деятельность 4-х учителей, к IV в. – 25, к V в. – 18, к VI в. – 12. Из 60-ти в Александрии работали 20; 7 - в Панополе, 6 - в Гермополе. В Азии (Азиане) известны по именам 9 учителей грамматики; 2 из них – латинские. К IV в. относится 1, к V в. – 3, к VI в. – 5. В Понтике работали 8 грамматистов. Конец III – IV вв. – 5, VI в. – 3; один из них латинский. 4 из известных по имени учителей работали в Никомедии (Вифиния), трое – в Галатии, один – в Кесарии Каппадокийской. В Македонии (включая Грецию) известны 4 учителя. Один – кон. III в., один – IV в., два – V в. Трое из четырех работали в Афинах. На Востоке (Oriens) известны по именам 39 грамматистов. Двое из них относятся к концу III в., 17 – к IV в., к V в. – 6, к VI в. – 14; 2 учителя - латинские. 14 работали в Антиохии, 5 – в Газе Палестинской, 3 - в Исаврии, 3 - в Киликии, 2 - в Финикии (Берит), 2 - в Кесарии Палестинской, 1 - в Осроэне. Для этого региона характерна частная смена мест работы, по два места отмечено у 6 педагогов[1].

Крупных латинских риторов и учителей риторики подобно Либанию, Фемистию и Гимерию, Ранняя Византия не знает. Профессора права, работавшие на латинском языке, в целом были охарактеризованы в параграфе о школах права. Их деятельность находилась в значительно большей близости к императорскому двору, чем деятельность прочих учителей. Среди наиболее известных учителей права – Евдоксий, Леонтий, Феофил, Дорофей, Исидор, Анатолий, Фалелей, Стефан, Феодор Гермупольский Схоластик, а также Аноним. Все они были связаны с

[1] Подсчеты по: *Kaster R.A.* Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley, 1997.

Константинополем. Только с Финикией связана деятельность Афанасия Схоластика из Эмесы.

Таким образом, латинский язык на протяжении V-VI вв. сохранял еще мощные позиции в школе и преподавании в Ранней Византии. Однако, его сфера все больше сужалась, ставилась либо под прямой контроль со стороны государства (Константинопольский университет), либо сосредотачивалась в школах, связанных с обслуживанием нужд государства (Беритская школа права и др.). Ситуация с преподаванием латинского языка отражала общекультурную ситуацию с латинским языком в империи ранневизантийского времени.

В **Заключении** сделаны основные выводы, проистекающие из задач исследования.

Основное содержание диссертации отражено в ряде публикаций.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Болгов, К.Н.* К вопросу о латинской культуре ранней Византии / К.Н. Болгов // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 1(96). Вып. 17. Белгород, 2011. С. 33-37 (0,4 п.л.).

2. *Болгов, К.Н.; Болгов, Н.Н.* Византийская Африка: исторический фон «Иоанниды» Кориппа / К.Н. Болгов и др. // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 19(138). Вып. 24. Белгород, 2012. С. 23-32 (авт. вклад 0,5 п.л.).

3. *Болгов, К.Н.* Поэтические особенности «Иоанниды» Кориппа / К.Н. Болгов // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 15(158). Вып. 27. Белгород, 2013. С. 48-51 (0,4 п.л.).

Прочие публикации:

4. *Болгов, К.Н.* Иллирик – латинская провинция Византии в описании Марцеллина Комита / К.Н. Болгов // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2011. С. 19-20 (0,2 п.л.).

5. *Болгов, К.Н.* Латинский Иллирик в изображении Марцеллина Комита / К.Н. Болгов // Белгородский диалог–2011. Белгород, 2011. С. 56-57 (0,2 п.л.).

6. *Болгов, К.Н.* Вхождение латинской префектуры Иллирик в состав Византии / К.Н. Болгов // Классическая и византийская традиция. 2011. Белгород, 2011. С. 180-182 (0,25 п.л.).

7. *Болгов, К.Н.* Латинская префектура Иллирик в составе Византии / К.Н. Болгов // Глуховские научные чтения. Глухов [Сумская обл.], 2011. С. 16-18 (0,25 п.л.).

8. *Болгов, К.Н.* Присциан и итоговая систематизация латинской грамматики в Константинополе VI в. / К.Н. Болгов // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2012. С. 132-133 (0,2 п.л.).

9. *Болгов, К.Н.* Латинский Иллирик и Константинополь в VI в. / К.Н. Болгов // Столица и провинция: история взаимоотношений. Воронеж: ВГУ, 2012. С. 267-270 (0,3 п.л.).

8. *Болгов, К.Н.; Болгов, Н.Н.* Кресконий Корипп и последний латинский эпос в Константинополе VI в. / К.Н. Болгов и др. // Историческое произведение как феномен культуры. Вып. 7. Сыктывкар, 2012. С. 182-189 (авт. вклад 0,4 п.л.).

10. *Болгов, К.Н.* Итоговая систематизация латинской грамматики в Константинополе VI в. / К.Н. Болгов // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2012. С. 82-83 (0,2 п.л.).

11. *Болгов, К.Н.* Корипп как апологет империи / К.Н. Болгов // Классическая и византийская традиция. 2012. Белгород, 2012. С. 199-205 (0,4 п.л.).

12. *Болгов, К.Н.* Латинский эпический панегирик в Ранней Византии (Присциан и Корипп) / К.Н. Болгов // Молодежь – науке. 2012. Т. 1. Псков, 2012. С. 93-95 (0,25 п.л.).

13. *Болгов, К.Н.* Иллирик – латинский регион Ранней Византии / К.Н. Болгов // Одіссос. Актуальні проблеми історії, археології та етнології. Вип. IV. Одеса, 2012. С. 308-309 (0,2 п.л.).

14. *Болгов, К.Н.; Болгов, Н.Н.* Корипп и латинский эпос Ранней Византии / К.Н. Болгов // София Киевская: Византия-Русь-Украина. Вып. 2. Киев, 2012. С. 165-169 (авт. вклад 0,3 п.л.).

15. *Болгов, К.Н.* Латинский панегирик императору Анастасию (491-518) грамматика Присциана / К.Н. Болгов // Белгородский диалог–2013. Белгород, 2013. С. 72-73 (0,2 п.л.).

16. *Болгов, К.Н.* Иоанн Лид и латынь в Константинополе VI в. / К.Н. Болгов // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2013. С. 38-39 (0,2 п.л.).

17. *Болгов, К.Н.* Латинская юридическая школа в позднеантичном Берите / К.Н. Болгов // «Ломоносов-2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2013. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см / http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/structure_15_2186. htm (0,2 п.л.).